

РАЗЫСКАНИЯ О ДОСТОЕВСКОМ

Сообщения Г. Ф. Коган

1. ЖУРНАЛ «ВРЕМЯ» И РЕВОЛЮЦИОННОЕ СТУДЕНЧЕСТВО 1860-х ГОДОВ

Появление Достоевского в Петербурге после долгих лет каторги и солдатчины было восторженно встречено революционной молодежью. «...В нем чтити недавнего страдальца», каторгой поплатившегося за свои убеждения, — вспоминает один из участников революционного движения 1860-х годов¹. По свидетельству современников, студенческая молодежь «так же горячо, как и Некрасова»² принимала Достоевского на литературных вечерах. По просьбе молодежи «прямо ради демонстрации»³ Достоевский читал отрывки из «Записок из Мертвого дома». «Тогдашний Достоевский еще считался чуть не революционером»⁴, — писал П. Д. Боборыкин. В авторе романа «Униженные и оскорбленные», открывавшем в 1861 г. первый номер журнала «Время», современники видели «борца за общественную правду и обличителя всего того, что давило в России всякую свободу и тушило каждый лишний луч света»⁵. С чтением отрывков из своих романов Достоевский выступал и в Петербурге, и в Москве. Его имя, наряду с именами Чернышевского, Некрасова, В. Курочкина, упоминается не раз в петербургских и московских афишах⁶ и в агентурных донесениях III Отделения о наблюдениях за литературными чтениями. Так, в одном из донесений о вечере, устроенном 10 апреля 1863 г. в Петербурге в зале Благородного собрания студентами Медико-хирургической академии, указывалось, что Достоевский «вместо назначенной 9-й главы из „Мертвого дома“ прочел очерк семейной жизни французской буржуазии» («Зимние заметки о летних впечатлениях»)⁷. Достоевского приглашали на вечера в пользу воскресных школ, являвшихся в начале 1860-х годов первыми очагами революционной деятельности молодежи, и на вечера, собиравшие средства для «недостаточных студентов» и сосланных революционеров. В частности Достоевский принимал участие в вечере в пользу сосланного в Сибирь поэта-революционера М. Л. Михайлова. Этот вечер, по составу участников его, был воспринят современниками «как бы выставкой всех передовых, прогрессивных, литературных сил»⁸.

Характерным явлением 1860-х годов были кружки студенческой молодежи, которые участники революционного движения называли «настоящей школой общественности»⁹. Достоевский мог знать о студенческих собраниях из рассказов своих друзей. Заметную роль в студенческой среде играли сестры Сусловы, числившиеся III Отделением среди девиц «известных под именем стриженных» и «принадлежавших к партии нигилистов»¹⁰. Страхов мог рассказать Достоевскому об устроенной им на своей квартире «последней пирушке в честь высылаемых студентов»¹¹, когда провожали в ссылку участника студенческого движения М. П. Покровского. (Ему Достоевский передаст через Е. А. Штакеншнейдер в 1870-е годы привет, узнав о его возвращении из ссылки и возобновит с ним знакомство¹².) Студенческие вечера устраивались и у первой слушательницы Петербургского университета Е. И. Корсини, где «собирался более тесный кружок, связанный очень близкими дружескими отношениями и даже сердечными привязанностями»¹³. Здесь бывали П. И. Боков, М. А. Обручева. Сохранилось письмо Корсини к Достоевскому, свидетельствующее о внимании и доверии революционного студенчества к бывшему петрашевцу. Корсини рекомендует Достоевскому популярного в кругу Чернышевского молодого врача П. И. Бокова¹⁴. Весьма вероятно, что популярный среди молодежи автор «Записок из Мертвого дома», один из немногих петрашевцев, вернувшихся в начале 1860-х годов в Петербург, сам не раз бывал почетным гостем студенческих собраний и ему был хорошо знаком «шум и оживленный говор большого собрания...» «человек в пятнадцать»¹⁵, где, как когда-то в годы его юности, «чуть

не дрались», горячо и страстно споря «о социализме», о «провозвестниках новой истины», о «полезной деятельности», призывая друг друга немедленно «разрешить вопрос»¹⁶. Несомненно, об этом общении со студенческой средой в начале 1860-х годов вспоминал Достоевский в 1866 г. в письме к М. Н. Каткову: «... Все эти гимназистики, студентики, которых я так много видал, так чисто, так беззаветно обратились в нигилизм во имя чести, правды и истинной пользы!»¹⁷.

Представители студенческого движения печатались и в журнале «Время» (П. Ткачев, К. Сунгуров, А. Суслова, В. Острогорский и др.). По свидетельству сотрудничавшего в журнале Достоевских М. И. Семевского, Капитон Сунгуров обратил на себя внимание Достоевского как человек в высшей степени способный. Изгнанный из университета за участие в студенческих волнениях, Сунгуров был устроен им корректором в журнале «Время». «Корректор у нас очень хороший, один студент, знает свое дело хорошо»¹⁸, — писал о нем Достоевский, которого связывали с Сунгуровым не только служебные отношения, о чем свидетельствуют некоторые страницы «Преступления и наказания».

Так, воспоминания Родиона Раскольникова о бедной девушке, в которую он был влюблен, близки к дневниковым записям Сунгурова. «А помните, маменька, я влюблен-то был... Она больная такая девочка была... Право, не знаю, за что я к ней тогда привязался, кажется, за то, что всегда больная...»¹⁹, — говорит Раскольников в беседе с матерью после трехлетней разлуки. «От Д<остоевского> зашел к старым хозяевам <...> Наденька больна... Больна! Недаром я продумал о ней целый день четвертого дня <...> Сажу за лекциями, в голову почти ничего не лезет. Голова слишком занята Наденькой и статьей...», — писал К. Сунгуров в своей записной книжке²⁰.

Как и Сунгуров, Раскольников будет навещать свою прежнюю квартирную хозяйку, где жила больная девушка, «...Бывшая квартирная хозяйка его, мать умершей невесты его», даст показания, смягчающие ему наказание. И хозяйка, и доктор Зосимов, и прежние товарищи Раскольникова «заявят» о «давнишнем ипохондрическом», «болезненном и бедном состоянии преступника» (Сунгуров умер в 1866 г. в психиатрической больнице Петропавловской крепости.) Хозяйка последней квартиры, где жил Сунгуров, рассказывала:

«Сунгуров <...> постоянно занимался письмом, иногда посещали его господа Баканин и Достоевский»²¹. Анатолий Иванович Баканин, близкий товарищ Сунгурова еще по Казани, по гимназии и университету (Сунгуров в 1859 г. был исключен из Казанского университета за участие в студенческих демонстрациях и перевелся вольнослушателем в Петербургский университет), был постоянным сотрудником журнала «Время». Его имя часто упоминается в записной книжке Достоевского 1860—1862 гг. среди записей, связанных с редактированием журнала, и в гонорарных ведомостях²². Баканин печатал на страницах «Времени» очерки из старых уголовных дел, особенно интересовавших Достоевского накануне реформы 1864 г.²³ Молодой врач Бакавин в записной тетради Достоевского к роману «Преступление и наказание», часто посещающий больного студента, это, несомненно, прототип А. И. Баканина, «врача здешнего физиката», почти ежедневно встречавшегося с К. Сунгуровым²⁴. «Молодец Бакавин знатно лечивает...»²⁵. У Бакавина в черновиках романа даже внешний облик Баканина — черные волосы, черная борода, черные глаза. В окончательном тексте романа врач, близкий по своим убеждениям к кругу студентов 60-х годов, «семинаристов», получит фамилию от имени, распространенного среди духовного сословия, — Зосимов, и внешний облик его изменится, он будет напоминать иногда Бокова, но более всего доктора И. М. Сеченова, особенно популярного среди передового студенчества.

О своих посещениях вместе с Баканиным больного и угрюмого Сунгурова мог вспомнить Достоевский и при описании жалкой каморки «задавленного бедностью» Раскольникова. Сунгуров жил недалеко от редакции журнала «Время».

Сунгуров после изгнания его из Петербургского университета, где он «слушал науки по юридическому факультету», был «занят статьей»²⁶ и писал небольшие заметки, печатавшиеся в журнале «Время». «В юрсты готовившийся» Раскольников также пишет статью «О преступлении» в ту пору, «когда из университета вышел». «Во мнении некоторых профессоров я стою на видном месте как человек трудолюбивый,



*Вашему сыну В. А. Штакен-
штейнеру от Ф. М. Достоевского
4 мая 80*

ДОСТОЕВСКИЙ

Фотография Н. Досса, 1876, Петербург, с дарственной надписью Достоевского сыну В. А. Штакенштейнеру: «Боре Штакенштейнеру от Ф. М. Достоевского 4 мая/80»

Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

дельный, подающий порядочные надежды», — писал Сунгуров в дневнике²⁷. Несомненно, одним из этих профессоров был А. П. Шапов, находившийся в то время в Петербурге. Он бывал у Сунгурова на Средней Мещанской, Сунгуров навещал Шапова в петербургской больнице²⁸. Изгнанный из Казани, лишенный университетской кафедры, крамольный профессор, земляк Баканина и Сунгурова, также сотрудничал в журнале «Время». Здесь, как известно, печаталась знаменитая статья Шапова «Земство и раскол. Бегуны» («Время», 1862, № 10, 11). Со статьями о расколе на страницах журнала Достоевских выступал близкий друг Шапова, кандидат Казанской духовной академии, также причастный к революционному движению 1860-х годов, Николай Аристов. Его имя упоминается Сунгуровым в записной книжке, в списках его друзей. Как видим, при журнале «Время» образовалась небольшая группировка казанского землячества (Аристов, Баканин, Сунгуров, Шапов), связанная через Сунгурова с революционным студенчеством. (Таким образом, III Отделению не удалось прервать все связи со студенческой средой популярного среди передовой молодежи профессора Шапова, несмотря на строжайший над ним надзор²⁹.)

В среде петербургского студенчества и особенно казанского землячества сочувственное признание получило выступление Достоевского в защиту Толмачевой в связи с нашумевшей в 1861 г. историей о публичном чтении ею «Египетских ночей» Пушкина.

На страницах «Времени» Достоевский в статье «Образцы чистосердечия» поддержал сотрудника «Современника», горячего поборника «женского вопроса», М. Л. Михайлова. Е. Э. Толмачева, сестра братьев Эверисман (один был адъюнктом Казанского университета, второй — студент того же университета), «с ранних лет увлекавшаяся теорией Прудона и Мишле и поставившая себе целью быть эмансипированной женщиной»³⁰, — как отмечалось в донесениях III Отделения, была в Перми (она вышла замуж за председателя пермской казенной палаты Толмачева) одной из активных участниц литературных вечеров.

От сотрудничавших в журнале казанцев Достоевскому могли быть известны и те «пермские тайны», которые, как он отмечал в своей статье, журнал «Век» представил в «отвратительном виде» (позднее намек на эти «тайны» Достоевский вложит в уста Свидригайлова: «...Египетские-то ночи, чтение-то публичное, помните? Черные-то глаза?») О черных глазах Толмачевой, загоравшихся во время чтения, писал в напечатанной в «Санкт-Петербургских ведомостях» заметке пермский корреспондент Тиммерман). С Тиммерманом Толмачева, оставив мужа, уехала из Перми в Казань, где оказалась под строгим надзором полиции³¹. В 1861 г. Толмачева во время заграничной поездки посетила Герцена. Об этом, несомненно, было известно не только казанцам, но и сотрудничавшим в журнале «Время» тайным корреспондентам Герцена.

Постоянно посещал корректора журнала «Время» Сунгурова М. И. Семевский, активно сотрудничавший в «Полярной звезде», «Колоколе» и других изданиях Герцена³². Через Севековского шли из России в Лондон публиковавшиеся в «Полярной звезде» материалы о декабристах³³. Копии с рукописей декабристов, полученных Севевским тайно из Сибири, делал для него Сунгуров. (В собрании рукописей «Русской старины» хранится тетрадь с воспоминаниями и письмами декабристов, с надписью Севековского: «Весь сборник списан с разных рукописей в 1860—1861 гг., полученных от барона В. И. Штейнгеля частью из бумаг Бестужевых, частью с других рукописей. Копию снимал студент СПб университета Капитон Корнилович Сунгуров»³⁴.)

Записная книжка Сунгурова содержит немало стихотворений Рыльева и А. Бестужева, выписок из воспоминаний декабристов. Иногда рядом с именами своих товарищей Сунгуров отмечал: «был 27 октября 1861 г., завтра едет за границу» (см., например, запись о Стежинском)³⁵.

В августе 1860 г. III Отделением было перехвачено письмо к Баканину из Вятки от врача П. С. Сунцова, просившего переправить к Герцену написанную одним вятским врачом статью о положении врачей в России. Понимая, что эта статья, где «вся правда описана в самом горьком виде», не может быть напечатана в России, Сунцов обращается за содействием к Баканину как человеку, о связях которого с Герценом было известно в кругу передовых людей провинций. Сунцов пишет Баканину об интересе вятской интеллигенции к изданиям Герцена, о проникающих в Вятку номерах «Колокола»³⁶. Имя и адрес Сунцова упоминается в записной книжке Сунгурова, в составленном им списке тех, кому он собирался дарить отски статьи из журнала «Время»³⁷. Сунгуров оставлял у себя отски не пропущенных цензурой статей, делал выписки запрещенных мест. Как корректор он обязан был сверять, все ли указания цензуры выполнялись в последней корректуре и посылал Достоевскому вторую корректуру со сводкой всех не разрешенных цензурой мест³⁸. Однако выписки, сделанные Сунгуровым, очень далеки от обычных сводок корректора. В записной книжке эти выписки находятся рядом с записями революционных студенческих песен, прокламаций (например, «Великорусс» № 3, «Что надо делать войску»), запрещенными строками из стихотворений Некрасова, изданных в 1861 г., «нотами и словами песни возмутительного содержания под заглавием „Marselaise“»³⁹. Все это говорит о том, что Сунгуровым руководил не только корректорский интерес.

Сунгуров был близко связан с революционным студенчеством и особенно с кружком, возглавлявшимся Алексеем Андреевичем Яковлевым. Это был, по свидетельству участников революционного движения 1860-х годов, «типичный студент», «очень даровитый и в высшей степени симпатичный юноша», пользовавшийся большим уважением в студенческой среде⁴⁰. Сунгуров благоговейно относился к своему другу (о чем свидетельствуют его письма, дневник, хранившаяся у него фотография Яковлева).

На страницах «Времени» Достоевский в статье «Образцы чистосердечия» поддержал сотрудника «Современника», горячего поборника «женского вопроса», М. Л. Михайлова. Е. Э. Толмачева, сестра братьев Эверисман (один был адъюнктом Казанского университета, второй — студент того же университета), «с ранних лет увлекавшаяся теориями Прудона и Мишле и поставившая себе целью быть эмансипированной женщиной»³⁰, — как отмечалось в донесениях III Отделения, была в Перми (она вышла замуж за председателя пермской казенной палаты Толмачева) одной из активных участниц литературных вечеров.

От сотрудничавших в журнале казанцев Достоевскому могли быть известны и те «пермские тайны», которые, как он отмечал в своей статье, журнал «Век» представил в «отвратительном виде» (позднее намек на эти «тайны» Достоевский вложит в уста Свидригайлова: «...Египетские-то ночи, чтение-то публичное, помните? Черные-то глаза?...» О черных глазах Толмачевой, загоравшихся во время чтения, писал в напечатанной в «Санкт-Петербургских ведомостях» заметке пермский корреспондент Тиммерман). С Тиммерманом Толмачева, оставив мужа, уехала из Перми в Казань, где оказалась под строгим надзором полиции³¹. В 1861 г. Толмачева во время заграничной поездки посетила Герцена. Об этом, несомненно, было известно не только казанцам, но и сотрудничавшим в журнале «Время» тайным корреспондентам Герцена.

Постоянно посещал корректора журнала «Время» Сунгурова М. И. Семевский, активно сотрудничавший в «Полярной звезде», «Колоколе» и других изданиях Герцена³². Через Семенова шли из России в Лондон публиковавшиеся в «Полярной звезде» материалы о декабристах³³. Копии с рукописей декабристов, полученных Семеновым тайно из Сибири, делал для него Сунгуров. (В собрании рукописей «Русской старины» хранится тетрадь с воспоминаниями и письмами декабристов, с надписью Семенова: «Весь сборник списан с разных рукописей в 1860—1861 гг., полученных от барона В. И. Штейнгеля частью из бумаг Бестужевых, частью с других рукописей. Копию снимал студент СПб университета Капитон Корнилович Сунгуров»³⁴.)

Записная книжка Сунгурова содержит немало стихотворений Рыльева и А. Бестужева, выписок из воспоминаний декабристов. Иногда рядом с именами своих товарищей Сунгуров отмечал: «был 27 октября 1861 г., завтра едет за границу» (см., например, запись о Стежинском)³⁵.

В августе 1860 г. III Отделением было перехвачено письмо к Баканину из Вятки от врача П. С. Сунцова, просившего переправить к Герцену написанную одним вятским врачом статью о положении врачей в России. Понимая, что эта статья, где «вся правда описана в самом горьком виде», не может быть напечатана в России, Сунцов обращается за содействием к Баканину как человеку, о связях которого с Герценом было известно в кругу передовых людей провинций. Сунцов пишет Баканину об интересе вятской интеллигенции к изданиям Герцена, о проникающих в Вятку номерах «Колокола»³⁶. Имя и адрес Сунцова упоминается в записной книжке Сунгурова, в составленном им списке тех, кому он собирался дарить отписки статей из журнала «Время»³⁷. Сунгуров оставлял у себя отписки не пропущенных цензурой статей, делал выписки запрещенных мест. Как корректор он обязан был сверять, все ли указания цензуры выполнялись в последней корректуре и посылал Достоевскому вторую корректуру со сводкой всех не разрешенных цензурой мест³⁸. Однако выписки, сделанные Сунгуровым, очень далеки от обычных сводок корректора. В записной книжке эти выписки находятся рядом с записями революционных студенческих песен, прокламаций (например, «Великорусс» № 3, «Что надо делать войску»), запрещенными строками из стихотворений Некрасова, изданных в 1861 г., «нотами и словами песни возмутительного содержания под заглавием „Marselaise“»³⁹. Все это говорит о том, что Сунгуровым руководил не только корректорский интерес.

Сунгуров был близко связан с революционным студенчеством и особенно с кружком, возглавлявшимся Алексеем Андреевичем Яковлевым. Это был, по свидетельству участников революционного движения 1860-х годов, «типичный студент», «очень даровитый и в высшей степени симпатичный юноша», пользовавшийся большим уважением в студенческой среде⁴⁰. Сунгуров благоговейно относился к своему другу (о чем свидетельствуют его письма, дневник, хранившаяся у него фотография Яковлева).

Яковлев был библиотекарем студенческой библиотеки, он «беззаветно отдался» ей и тратил на нее много времени, «заботился о поддержании в ней порядка, а в особенности о пополнении ее», — рассказывает Л. Ф. Пантелеев, получавший в этой библиотеке номера «Колокола»⁴¹. Как известно, организация библиотек из запрещенных изданий, чтение и обсуждение запрещенных сочинений было обычным для большинства кружков 1860-х годов⁴². Сунгуров, как видно из его записной книжки, хранил у себя и обменивался с товарищами запрещенными изданиями, отмечая, когда и кому выдана та или иная книга. Однажды Яковлев упрекал его за потерю 4-го тома «*Causes celebres*»⁴³. Среди книг, выдававшихся Сунгуровым товарищам, — издания Герцена, сочинения Фурье и Прудона, номера журнала «Время» (например, запись: «Бармину — „Время“ — I, II, III, IV, V, VI, Туманову — „Время“ VI, VII»)»⁴⁴. Собиравшиеся у Яковлева и Сунгурова студенты не только переписывали запрещенные стихи, но и сами сочиняли «крамольные» песни (в записной книжке отмечено: «Свобода, равенство и братство». Соч. Сунгуровым в присутствии Анатолия Баканина и студента Яковлева)»⁴⁵. Рядом со списком известного среди вольнолюбивой молодежи стихотворения «Двуглавый орел», приписываемого В. Курочкину («Я нашел, друзья, нашел, Кто виновник бестолковый наших бедствий, наших зол...»), Сунгуровым сделана помета: «А. Григорьев, 17 марта 1862»⁴⁶.

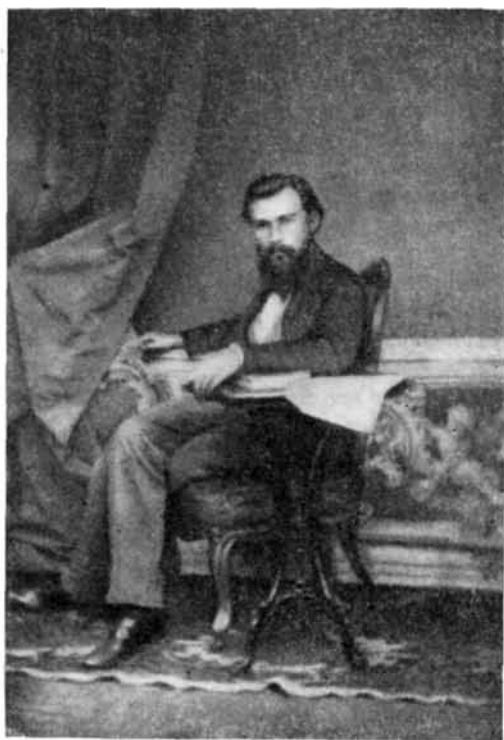
Осенью 1861 г., в самый разгар студенческих волнений, А. Яковлев был арестован за распространение прокламаций (по сведениям Л. Ф. Пантелеева, он попался с прокламацией в одной из казарм весной 1862 г.)⁴⁷. Как известно, наиболее смелые кружки оппозиционно настроенной молодежи, занимавшиеся распространением прокламаций, использовали для их печатания наряду с тайными печатными станками и легальные типографии. Так, многие члены тайных студенческих кружков встречались у корректора журнала «Современник» Е. Стопакевича, «унося от него чемоданы, битком набитые подпольными изданиями»⁴⁸. Данных для утверждения, что Сунгуров мог использовать свое положение корректора для печатания прокламаций, нет. Он распространял прокламации, издававшиеся в типографии «Земли и воли». При аресте Сунгурова в ноябре 1863 г. за «недонесение кому следовало о получении им возмутительных воззваний»⁴⁹, у него, наряду с прокламациями «Свобода» № 1 (девять номеров); «Великорусс» (три номера), «Что надо делать войску», «Шедо-Ферротти», номера «Колокола» и объявленными об издававшейся за границей газете «Свободное слово», были найдены также корректуры нескольких статей и очерков, запрещенных в журнале «Время»⁵⁰.

Особое внимание следственной комиссии вызвали гранки статьи «Пожары». До сих пор текст этой статьи был не известен исследователям. Впервые он печатается в настоящем томе по материалам, разысканным в Ленинграде Н. Г. Розенблюмом в делах цензурного ведомства (см. стр. 48—53). Корректур «Пожаров», обнаруженная нами в Москве в «деле» К. Сунгурова среди изъятых у него прокламаций, также содержит полный текст статьи. Распространение в студенческой среде корректурных отписок запрещенных сочинений было нередким явлением⁵¹. Сунгуров, «сообщавший прокламации вообще как интересную новость»⁵², несомненно, оставил у себя корректуру «Пожаров» для этой цели. Запрещенная цензурой статья в защиту студентов от обвинений в поджигательстве не могла не привлечь внимание передовой молодежи.

Интерес следственной комиссии вызвала корректур и другой статьи — «Очерки истории Польши». Царское правительство связывало петербургские пожары с разгоревшимся в Польше революционным движением. В пожарах обвиняли не только студентов, но и поляков. Передовые круги России, видя в польских революционерах своих союзников, внимательно следили за событиями в Польше, изучали революционную историю польского народа, этому содействовали журнальные публикации. В «Очерках», не напечатанных во «Времени», подробно излагалась история Польши, ее освободительного движения. «Борьба была роковая <...> Польша должна была напрячь все свои силы, чтобы выйти из нее победительницей». Важную роль в истории Польши играла, по словам автора, конфедерация. Ей посвящалась в «Очерке» специальная глава. «Конфедераты выбирали своих собственных властей, составляли свои собственные сеймы и советы, все другие законно выбранные власти ими не признавались. В своих

А. И. БАКАНИН

Фотография Блюменталей. Петербург, 1860-е годы
Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва



совещаниях *liberum veto* * не имело место, решения постановлялись большинством. Иногда конфедерации ставили свою главою короля, но чаще они имели целью низвергнуть существующее правительство и создать свое собственное⁵³. Конфедерация была для польских революционеров символом свободолюбия. На студенческих сходках польские студенты, появляясь в национальных костюмах, с гордостью носили «конфедератки»⁵⁴.

Любопытны замечания Достоевского: «головной убор своего рода рекомендация»⁵⁵, «какое направление доказывают <...> шляпы»⁵⁶. Польская конфедерация интересовала Достоевского. В его записной тетради 1860-х годов встречается запись: «15 сентября, Польша и ее конфедерация, через 3 недели ответ»⁵⁷. Кто был автором очерка? Сунгуров на допросе отвечал, что не знает⁵⁸. Очевидно, им был постоянный сотрудник журнала «Библиотека для чтения» Н. Н. Воскобойников, еще задолго до событий 1863 г. интересовавшийся судьбой Польши и знакомивший русских читателей с материалами из истории польского движения. Как рассказывает П. Д. Боборыкин, «идеями социализма» Воскобойников не увлекался, «но в деле свободомыслия любил называть себя «достаточным безбожником» и сочувствовал в особенности польскому вопросу в духе *освободительно*»⁵⁹. У Воскобойникова «водилось немало знакомств в Петербурге в разных журналах, разумеется, не в кружке „Современника“, а больше в том, что собирался у братьев Достоевских»⁶⁰. Со статьей Воскобойникова, несомненно, был знаком и Н. Страхов. Заглавие его ставшей роковой для журнала «Время» статьи «Роковой вопрос», очевидно, возникло не без влияния «Очерка истории Польши», где в предисловии замечалось: «*Роковой вопрос* выдвинул на первый план Польшу с ее историей. Это естественно возбуждает желание получше и пообстоятельнее познакомиться с ее историей...»⁶¹.

Сунгуров, выступавший на студенческих сходках с чтением прокламации «Льется польская кровь, льется русская кровь», несомненно оставил у себя корректуру «Очерка истории Польши» так же, как и корректуру «Пожаров», для распространения в студенческой среде.

* право единоличного запрета (лат.).

О статье «Пожары» Сунгуров на допросе отвечал: «Получено из типографии Праца 1 июня 1862 г. Я получил ее как корректор». Об «Очерке истории Польши»: «Я получил эту статью как корректор. Автор статьи мне неизвестен»⁶². В редакции журнала «Время», вероятно, и не подозревали, что статьи, вышедшие из их круга, вызвали интерес у студентов наряду с прокламациями (к которым Достоевский относился отрицательно).

«У нас нет тайных обществ, но у нас существуют кружки преимущественно между образованными слоями общества...», — писал один из бывших сотрудников журнала «Время» в III Отделение. Далее он заявлял, что «занимаясь в течение 6 лет литературой», «хорошо изучив характер как редакторов, так и те кружки, которые группируются около них...»⁶³, пришел к выводу, что «вольнодумство сосредотачивается в редакциях журналов». Поэтому он предлагал установить слежку за всеми редакторами, издателями, наборщиками и другими работниками типографии и «запретить всякого рода сходбища, особенно на литературных вечерах»⁶⁴. Письмо это поступило в III Отделение в 1866 г., когда оно после выстрела Каракозова занялось расследованием «о вредном направлении некоторых журналов и лиц, в них участвующих» и обратилось к изучению «той общественной литературной среды, в которой могла появиться мысль о царевубийстве»⁶⁵. Письмо было принято «к сведению», однако автор его, «позволивший себе в то же время в высшей степени преступные суждения о действиях правительства и вообще обнаруживший вредный образ мыслей и стремление к их осуществлению»⁶⁶, был арестован. Автором письма оказался Петр Никитич Горский, связанный с редакцией журнала «Время».

«Вредным образом мыслей», по донесениям агентов III Отделения, отличались многие сотрудники журнала «Время»⁶⁷. Часто посещавший Сунгурова М. И. Семевский, ставший, по утверждению III Отделения известным в русской литературе «в особенности после напечатания сочинения под заглавием „Семейство Монсов“»⁶⁸ («Время», 1861, № 2-4), числился III Отделением в списках огьявленных «злоумышленников», возглавляемых Чернышевским. Семевский, по донесениям агентов, «с первых же лет своей службы обнаружил литературные стремления (...), подружился с либеральной партией: с Благосветловым, Добролюбовым, Некрасовым, Чернышевским и т. д.», у него «весьма часто собиравшаяся красная партия литературных деятелей»⁶⁹.

Многие записи в «Дневнике» Сунгурова дают представление о взаимоотношениях редакции «Времени» с цензурой. Отмечается, например, что статья Семевского «Семейство Монсов» была обезображена до уродливости, а из последних глав «Записок из Мертвого дома» исключена глава «Ссылные из дворян»⁷⁰. Большим сокращениям подвергся роман о манчестерских рабочих английской писательницы Э. Гаскелл «Мери Барто», «роман (...) о страшной, но всюду зияющей (...) язве, которая называется пауперизмом или пролетариатом»⁷¹, как отмечалось в примечании от редакции. Цензурой были сокращены страницы, где описывалось возникновение классовой ненависти у бедняков к богатым и рассказывалось о тайных клубах заговорщиков. В июньской книжке журнала за 1861 г. были вычеркнуты цензором непочтительные строки о королеве в статье «Каролина английская и Бергами» (о процессе 1820 г.), в статье М. Воронова «Мое детство» зачеркнуто описание эшафота, наказания кнутом и клеймения, в сентябрьской книжке в статье «Вопрос о колонизации» сняты рассуждения о преступниках, «ежегодно толпами идущих на заводы»⁷², в июньской книжке 1862 г. запрещена статья П. Сокальского об остзейских крестьянах, где проводилась мысль, что положение свободных (с 1817 г.) остзейских крестьян еще хуже, невыносимее быта русских крепостных⁷³. Подверглись большой правке, судя по корректуре, сохраненной Сунгуровым, «Очерки прошлого. Моншеры» А. Чужбинского⁷⁴, где были сняты упоминания об Аракчееве и критическое описание армейского начальства. Остались неопубликованными политические статьи из раздела «Наши домашние дела»⁷⁵.

«Иногда мой труд пропадает совершенно даром, — записывал в дневнике Сунгуров. — Прокорректируешь иную статью — и вдруг ее цензура не пропускает. Так, в прошлом году в одной из последних книжек „Времени“ цензура запретила довольно большую статью Бибикова о Фурье. И за что, за что? Статья была не что иное, как résumé учения Фурье; от себя автор почти ничего не прибавил, кроме небольшого предисловия, но оно было написано больше чем умеренно. Нет, вот не приняли имени со-



ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»
РАСКОЛЬНИКОВ

Рисунок (акварель) П. Боклевского, 1870-е годы
Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

циалистов всеу!...»⁷⁶. Характерно, что министр внутренних дел, статс-секретарь П. А. Валуев, мотивировал закрытие журнала не только помещением в ней статьи Страхова «возмутительного содержания по предмету польских дел, идущей наперекор всем действиям правительства», а также вредным направлением этого журнала в целом⁷⁷.

«Время» было закрыто не только за статью «Роковой вопрос». Статья Страхова явилась лишь поводом.

Поэтому трудно согласиться с утверждением Страхова, что «вообще никакого следа революционного направления не было в кружке „Времени“, то есть не только каких-нибудь помыслов, но и сношений с людьми, замышлявшими недоброе, или какого-нибудь им потворства и одобрения»⁷⁸.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. М., 1958, стр. 225.

² П. Д. Боборыкин. Воспоминания, т. I. «За полвека». М., 1965, стр. 281.

³ О. Миллер. Материалы для жизнеописания Ф. М. Достоевского. — «Биография, письма, заметки», стр. 171 (первая пагинация).

⁴ П. Д. Боборыкин. Воспоминания, стр. 281.

⁵ П. Д. Боборыкин. Воспоминания, стр. 281.

⁶ «Московские ведомости», 1864, № 74, 18 апреля.

⁷ ЦГАОР, ф. 109, оп. 1а, 1861—1864, ед. хр. 2006, л. 13. Позднее Достоевский рассказывал М. А. Александрову, что иногда ему было «совестно читать их <<Записки из Мертвого дома>> перед публикою — подумают, что я все жалуюсь на свое прошлое... Все-то я жалуюсь, все-то жалуюсь. Нехорошо ведь жаловаться, неправда ли? Ну, поэтому и перестал читать из „Записок“ перед публикою» (ЦГАЛИ, ф. 212, оп. 1, ед. хр. 256).

⁸ Н. Страхов. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском. — «Биография, письма, заметки...», стр. 232—233 (первая пагинация).

⁹ В. Острогорский. Из истории моего учительства. СПб., 1914, стр. 55. См. также Е. Водовозова. На заре жизни. Мемуарные очерки и портреты, т. 2. М., 1964.

¹⁰ А. С. Долинин. Достоевский и Суслова. — «Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы». Под ред. А. С. Долинина. Сб. 2. Л., 1925, стр. 171, 251.

¹¹ Н. Страхов. Указ. статья, стр. 232; см. также Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания, стр. 255.

¹² Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки (1854—1886). М., 1934, стр. 455. См. также Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания, стр. 255.

¹³ Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания, стр. 258.

¹⁴ Письмо Е. И. Корсини к Ф. М. Достоевскому 21 марта 1862 г. — ЛБ, ф. 93, Б. 125.

¹⁵ Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание. М., «Наука», 1970, стр. 149 («Литературные памятники»).

¹⁶ Рукописные фрагменты к роману «Преступление и наказание». Вариант конца гл. VII, части второй. — Указ. изд., стр. 628, 629. См. также стр. 750. О том, что атмосфера студенческих собраний тех лет была хорошо знакома Достоевскому, свидетельствуют и другие страницы «Преступления и наказания». Поразительно совпадение в описании Достоевским студенческого собрания с участием в нем старого декабриста с описанием собрания, сделанным М. Л. Михайловым в его романе «Вместе», написанном на материале событий 1860-х годов (начат им осенью 1861 г. в Петропавловской крепости). Описание студенческого собрания с участием «возвращенного из ссылки декабриста, сочувственно относящегося к новым движениям», послужило одной из причин запрещения романа цензурой (см. наше сообщение: «Судьба „неоконченного“ романа М. Л. Михайлова о „новых людях“». — «Вопросы литературы», 1962, № 1).

¹⁷ «Письма», IV, стр. 280.

¹⁸ «Письма», I, стр. 306.

¹⁹ «Преступление и наказание». Указ. изд., стр. 179—180.

²⁰ Записная книжка К. Сунгурова. Запись 14 декабря 1862 г., л. 30—30об. — ЦГАОР, ОППС, ф. 112, оп. 1, д. 48. «Производство высочайше учрежденной в С.-Петербурге следственной комиссии о бывшем студенте С.-Петербургского университета Капитоне Сунгурове. Нач. 11 июня, конч. 15 июля 1863 г. См. также ф. 95, оп. 1, д. 105; В. Базанов. Капитон Сунгуров и его записная книжка. — «Русская литература», 1962, № 1, стр. 221.

²¹ ЦГАОР, ф. 112, оп. 1, д. 48, лл. 93, 102.

²² «Лит. наследство», т. 83, 1971, стр. 130, 155. — А. И. Баканин закончил Казанский университет в 1858 г. На его квартире в 1859 г. в Казани была устроена первая студенческая сходка. См. также «Российский медицинский список на 1864 г.» СПб., где указано: «Лекарь М. В. Д.»

²³ «Убийцы Пешара». — «Время», 1862, № 2.

²⁴ ЦГАОР, ф. 112, оп. 1, д. 48, л. 65.

²⁵ Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание. Первая записная книжка. — Указ. изд., стр. 462.

²⁶ ЦГАОР, ф. 112, оп. 1, д. 48, л. 94.

²⁷ Записная книжка К. Сунгурова, л. 30—30 об., 100.

²⁸ ЦГАОР, ф. 112, оп. 1, д. 48, л. 31 об., 90.

²⁹ М. В. Нечкина. А. П. Шапов в годы революционной ситуации. — «Лит. наследство», т. 67, 1959, стр. 648.

³⁰ Ф. М. Достоевский. Образцы чистосердечия. — «Время», 1861, № 3 (XII, стр. 186). — Статья Тиммермана печаталась в «С.-Петербургских ведомостях», 1861, № 36.

³¹ ЦГАОР, III Отд., 1 экзп., № 395, лл. 89—90. Из справки о Евгении Эдуардовне Толмачевой, присланной управляющему III Отделением из Перми от корпуса жандармов подполковника Комарова (рапорт, № 104, 19 ноября 1861 г.). Из предписания начальника Казанской губернии об установлении строгого секретного надзора за Толмачевой, 19 июня 1862 г. — Там же, лл. 106, 108.

³² Н. Я. Эйдельман. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966, стр. 141, 143.

³³ Там же, стр. 225, 261, 262.— Сунгуров делал выписки из «Записей Н. Бестужева, доставленных из Минусинска М. И. Семевскому» (Записная книжка К. Сунгурова, лл. 1, 3).

³⁴ ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 2468, л. 11; см. также: В. Б а з а н о в. Указ. статья, стр. 217.

³⁵ Записная книжка К. Сунгурова, л. 20 об.

³⁶ ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, д. 116.

³⁷ Записная книжка К. Сунгурова, л. 76.

³⁸ «Дневник корректора».— Записная книжка К. Сунгурова, л. 46. См. также: В. Б а з а н о в. Указ. статья, стр. 226.

³⁹ Записная книжка К. Сунгурова, лл. 6, 14, 24, 28, 60, 61, 70, 74.

⁴⁰ Л. Ф. П а н т е л е е в. Воспоминания, стр. 161. См. также: Записная книжка К. Сунгурова, л. 32.

⁴¹ Там же, стр. 161, 163.

⁴² Б. П. К о з ь м и н. Из истории революционной мысли в России.— Избранные труды. М., 1961, стр. 128.

⁴³ Записная книжка К. Сунгурова, л. 28 (на л. 27 среди списков запрещенных стихотворений запись: «23 марта 1862. Десять часов вечера. У наших»).

⁴⁴ Там же, л. 75 об.

⁴⁵ Там же, л. 6 об.

⁴⁶ Там же, л. 28.

⁴⁷ Л. Ф. П а н т е л е е в. Воспоминания, стр. 161. См. также в «Записной книжке К. Сунгурова», л. 32: «В мае 1862 г. взят за то, будто бы читал прокламации в саперных казармах».

⁴⁸ Н. Я. Н и к о л а д з е. Воспоминания о 60-х годах.— «Каторга и ссылка», 1927, № 5, стр. 35.

⁴⁹ ЦГАОР, ф. 95, оп. 1, д. 105, л. 7.— По указанию М. И. Семевского, Сунгуров попал в крепость, где и погиб, «за отпечатание какой-то прокламации» («Русская литература», 1962, № 1, стр. 217). Никаких подтверждений этого в делах III Отделения не найдено.

⁵⁰ ЦГАОР, ф. 112, оп. 1, д. 48, лл. 23—58.

⁵¹ См., например: ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, № 2048, 1866 г. «О корректурных экземплярах среди студентов запрещенной книги отставного подполковника Соколова „Отщепенцы“».

⁵² ЦГАОР, ф. 112, оп. 1, д. 48, лл. 67, 68, 75. Показания К. Сунгурова.

⁵³ Там же.— Корректурa, л. 1.

⁵⁴ См., например, агентурные донесения о появлении на студенческих сходках студентов-поляков в национальных костюмах.— ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, д. 1477.

⁵⁵ «Преступление и наказание». Указ. изд., стр. 472.

⁵⁶ В. В. Т и м о ф е е в а (О. Починковская). Год работы с знаменитым писателем.— В кн.: «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников», т. 2. М., 1964, стр. 139.

⁵⁷ «Лит. наследство», т. 83, стр. 202.

⁵⁸ ЦГАОР, ф. 112, оп. 1, д. 48, корректурa «Очерк истории Польши», л. 57.

⁵⁹ П. Д. Б о б о р ы к и н. Воспоминания, стр. 339; «Я удивлялся тому, как мне удавалось проводить их сквозь тогдашнюю цензуру»,— писал Боборыкин.

⁶⁰ Там же, стр. 340.

⁶¹ ЦГАОР, ф. 112, оп. 1, д. 48. Корректурa «Очерк истории Польши». Вместо предисловия, л. 1.

⁶² Там же. Корректурa «Пожары», л. 1. Там же. Корректурa «Очерк истории Польши», л. 1 об.

⁶³ ЦГАОР, III Отд., 1 экзп., д. 130 «О штабс-капитане Петре Никитиче Горском» («Дела по наблюдению за отставным штабс-капитаном П. Горским, обвинявшимся в высказываниях против самодержавия»).

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ ЦГАОР, ф. 95, оп. 1, д. 279 — «О вредном направлении некоторых журналов и о лицах, в них участвующих».

⁶⁶ Там же. См. также ЦГАОР, ф. 95, оп. 1, ед. хр. 356. — «Переписка в следственной комиссии по ходатайству жены отставного штабс-капитана Петра Горского об освобождении его от ареста», л. 6. Письмо Горского к Марфе Петровне Паниной. Упоминается Достоевский.

⁶⁷ «Самые близкие наблюдения» были установлены за Аполлоном Григорьевым, принадлежавшим, по донесениям агентов, «по образу мыслей к ультра-либералам» (ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, д. 1971, л. 8, 11 февраля 1861 г.). Неустанное наблюдение велось за В. В. Крестовским, читавшим в обществе литераторов по корректурным листкам ненапечатанные главы «Петербургских трущоб» (ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, д. 1922. См. также «Агентурные донесения о наблюдении за литератором Крестовским», 11 февраля 1863, 4 марта 1863). «Самое бдительное наблюдение» было учреждено за сотрудничавшим в журнале «Время» литератором компании «Современника» и «Русского слова» А. П. Милюковым (ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, д. 236). У А. П. Милюкова и А. Н. Плещеева были произведены обыски по доносу В. Костомарова о прокламации «Барским крестьянам». В доносе упоминался и М. М. Достоевский.

⁶⁸ ЦГАОР, ф. III Отд., 1 эксп., д. 174, лл. 28, 29.

⁶⁹ ЦГАОР, ф. III Отд., д. 230, ч. 3, 1862 г.

⁷⁰ ЦГАОР.—«Дневник корректора».— Записная книжка Сунгурова, л. 48; см. также: В. Б а з а н о в. Указ. статья, стр. 228.

⁷¹ «Время», 1861, № 4, стр. 523.

⁷² Записная книжка К. Сунгурова, л. 9, 11, 12, 23 об.

⁷³ «Дневник корректора».— Записная книжка К. Сунгурова, л. 48; В. Б а з а н о в. Указ. статья, стр. 228.

⁷⁴ ЦГАОР, ф. 112, оп. 1, д. 48. Корректур. Помета Сунгурова: «Вторая корректур. статьи А. Чужбинского „Моншеры“. „Время“, 1862, июль. Получил из типографии Праца. Я получил эту статью как корректор», лл. 23—61.

⁷⁵ ЦГАОР, ф. 95, оп. 2, д. 4.— Рукописи статьи и другие материалы по журналам Достоевских были изъяты во время обыска у племянника Достоевского, бывшего ученика консерватории М. М. Достоевского, в 1866 г. обвинявшегося в связях со студентами, которым было известно «о предстоящем покушении на царя» Каракозова. См. также ЦГАОР, ф. 95, оп. 1, д. 232.

⁷⁶ «Дневник корректора».— Записная книжка К. Сунгурова, л. 48; В. Б а з а н о в. Указ. статья, стр. 227. Отметим, что большим цензурным сокращениям подверглась также статья Шапова «Бегуны». По свидетельству Н. А. Аристов, у Шапова хранилась корректур. с собственноручными его пометами о всех непропущенных местах. Возможно, Шапов получил ее также от Сунгурова (см. Н. А. Аристов. Афанасий Прокопьевич Шапов. Жизнь и сочинения. Посмертное издание. СПб., 1883, стр. 99). Сохранилась корректур. статьи П. Ткачева «Еще о мировых судьях», задержанная цензурой в 1862 г. (ЦИАЛ, ф. 777, оп. 26, № 25).

⁷⁷ А. С. Д о л и н и н. К цензурной истории первых двух журналов Достоевского.— «Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы». Сб. 2, стр. 560. См. также: В. С. Н е ч а е в а. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861—1863. М., «Наука», 1972, гл. XIV.

⁷⁸ Н. С т р а х о в. Указ. статья, стр. 229.

II. КАРТИНА, НАВЕЯННАЯ «ЗАПИСКАМИ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА» (1862)

Характерным эпизодом в истории общественной мысли 1860-х годов и в отношении современников к Достоевскому явилась выставленная в 1862 г. на годичной выставке Академии художеств картина «Праздник Рождества в Мертвом доме». Эта первая, созданная при жизни писателя иллюстрация к его роману, находилась во 2-й Античной галерее Академии художеств среди живописных работ учеников Академии. В указателе выставки значилось: «№ 11. Померанцев Константин Петрович. Ученик Академии. Праздник Рождества в Мертвом доме. 400 р. сер....»¹.

Впервые Померанцев участвовал в годичной выставке 1860/1861 г., где выставилась его первая работа «Харон перевозит души умерших через реку Стикс»². «Такого рода задача, как Харон с душами, — указывалось в критическом обозрении журнала „Время“, — предлагается обычно всем начинающим ученикам»³. Имя Померанцева в обозрениях 1861 г. не упоминалось. Все внимание критики, в том числе и обозревателя журнала «Время», было обращено тогда на картину «Партия арестантов на привале» В. И. Якоби, «перед которой с утра до вечера стоит толпа зрителей».

Через год, на второй годичной выставке Академии художеств, являвшейся для ее учеников публичным торжественным экзаменом, вновь внимание публики было привлечено картиной с сюжетом из жизни арестантов. И если картина Якоби невольно напоминала посетителям выставки книгу Достоевского, то на этот раз была выставлена картина, явившаяся прямым откликом на «Записки из Мертвого дома».

На выставке 1862 г., кроме картины Померанцева, были выставлены еще две картины, созданные на сюжеты, заимствованные из литературных произведений, — «Побег Григория Отрепьева из корчмы» Г. Г. Мясоедова и сцена из «Полтавы» Н. С. Шустова. Обращение художников к иллюстрированию литературных произведений было новым, необычным явлением в живописи. Вокруг этих картин развернулась полемика по поводу того, следует ли художникам вообще обращаться к литературным произведениям, да еще черпать свои сюжеты из произведений «вроде „Мертвого дома“». Имя Померанцева и его картина упоминались во всех полемических статьях. «На выставке есть небольшой разряд картин, содержание которых взято из некоторых наших литературных произведений: из них ни одна вполне не исполнила своей задачи и по экспрес-

сии они очень незначительны. Лучшая из этих картин „Праздник Рождества в Мертвом доме“ Померанцева, — отмечал обозреватель выставки в газете «Современное слово»⁴.

Обращение жанристов к литературным сюжетам приветствовал в обозрении, посвященном выставке 1862 г., рецензент «Отечественных записок»: «Нынче они пытаются идти об руку с литературой, черпают из нее сюжеты, и они становятся все разнообразнее по мере того как вопросы, поднятые у нас в последнее время, отражаются в складе нашего общественного быта. Удачные или неудачные, судя по степени талантов, эти маленькие жанры интересны как усилия схватить настоящие моменты русской жизни, в них есть драматизм, есть истина. К сожалению, большая часть из них грешит отсутствием художественности»⁵. Лучшими картинами в этом роде рецензент называл «Рекрута» Соханова (1860) и «Партию арестантов» Якоби. «Нынешняя выставка. — указывал рецензент, — беднее прежних хорошими жанрами, а недостаток художественности в них еще сильнее. Пример: „Праздник Рождества в Мертвом доме“ г. Померанцева, только и останавливает зрителя новизной сюжета». И хотя картина Померанцева, созданная в новом жанре русской живописи, который «обещал быть живучим», была признана лучшей, все же критики отмечали «ученический характер опыта Померанцева», огорчаясь, что художник не сумел передать ужаса и трагизма книги Достоевского.

Однако некоторые рецензенты объясняли слабость картины «художественной бедностью» произведения Достоевского, сводя его значение к «обыкновенной повести». «„Бегство Григория Отрепьева из корчмы“ стояло бы несравненно выше „Рождества в Мертвом доме“, уже по одному тому, что заимствовано из трагедии Пушкина, а не повести Достоевского»⁶.

Споры в связи с картиной Померанцева касались злободневного вопроса о задачах искусства. Рецензент «Санкт-Петербургских ведомостей» писал, что только фельетонистам «Современного слова», склонным к обличительству и сочувствующим таким изданиям, как «Искра» и «Гудок», могла понравиться иллюстрация к «Запискам из Мертвого дома»⁷. В обозрении журнала «Время» «По поводу годичной выставки» в Академии художеств картина Померанцева обойдена молчанием⁸. В кругах передовой молодежи Академии художеств, тесно связанной со студенческим движением 1860-х годов, искавшей новые пути в искусстве, работа Померанцева не могла не получить признания. Померанцев был близок к И. Н. Крамскому и к его товарищам, четырнадцати протестантам из Академии художеств. Он, очевидно, бывал на литературных вечерах, где молодежь восторженно встречала автора «Записок из Мертвого дома».

Среди изображенных Померанцевым обитателей Мертвого дома в центре картины — Достоевский. Лицо писателя очень близко к фотографиям Достоевского начала 1860-х годов. Художник, несомненно, видел и слышал в его исполнении отрывки из «Записок из Мертвого дома». В 1863 г. картина Померанцева была на постоянной выставке Московского общества любителей художеств. Крамской просил своего друга М. Б. Тулинова сделать с картины фотографию «для помещения с нее гравюры в одном издании»⁹.

В 1865 г. Крамской исполнил графический портрет Померанцева¹⁰. Художники, знавшие Померанцева в Нижнем Новгороде, где он поселился по окончании Академии художеств, вспоминают: «Из его немногих рассказов можно было понять, что он был вхож в петербургскую художественную артель, некоторые члены которой, как известно, вошли впоследствии в товарищество передвижных художественных выставок»¹¹.

Картина «Праздник Рождества в Мертвом доме» хранилась долгие годы в Ленинградском музее Революции. В 1955 г. она была обнаружена Т. Г. Динесман и передана в Московский музей Ф. М. Достоевского.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ «Указатель художественных произведений годичной выставки имп. Академии художеств за 1861/62 академический год». СПб., 1862, стр. 20.

² «Указатель художественных произведений годичной выставки имп. Академии художеств за 1860/1861 академический год». СПб., 1861, стр. 23. — Картина находится в Художественном музее г. Горького.



«ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА В МЕРТВОМ ДОМЕ»

Картина (масло) К. П. Померанцева, 1862

В центре на нраха Достоевский

Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

³ «Выставка в Академии художеств за 1860/61 год». — «Время», 1861, № 10, Критическое обозрение, стр. 147, 153, 155.

⁴ «Несколько слов об Академической художественной выставке в 1862 году». — «Современное слово», 1862, № 105, 10 сентября.

⁵ «Выставка в Академии художеств». — «Отечественные записки», 1862, № 10, стр. 319.

⁶ «По поводу статей о художественной выставке, помещенных в газете „Современное слово“» (№ 104, 105). — «С.-Петербургские ведомости», 1862, № 234, 27 октября.

⁷ Там же.

⁸ П. К о в а л е в с к и й. По поводу годичной выставки. — «Современное обозрение». — «Время», 1862, № 10.

⁹ Письмо И. Н. Крамского к М. Б. Тулинову 27 июня 1863 г. — И. Н. Крамской. Письма в двух томах. М., 1937, т. I, стр. 97.

¹⁰ «И. Н. Крамской. Каталог выставки к столетию со дня рождения». М. — Л., 1937, стр. 56, № 218. Рис. Цв. карандаш.

¹¹ Ф. С. Б о г о р о д с к и й. Нижегородские художники. — «Искусство», 1963, № 11, стр. 64—65. — См. также Н. К о н д а к о в. Список русских художников к юбилейному справочнику имп. Академии художеств, т. II. СПб., 1914, стр. 150: «Константин Петрович Померанцев. Род 1835. Вольноприходящий ученик Академии художеств с 1850 по 1863 г. Получены медали в 1855, 1856, 1857, 1858 гг. В 1863 — звание художника по живописи исторической с правом на чин XIV кл.»

III. ДОСТОЕВСКИЙ В ДОКУМЕНТАХ III ОТДЕЛЕНИЯ

Долгие годы после каторги и ссылки петрашевцы находились под тайным наблюдением правительства¹. Достоевского не спасло и офицерское звание, полученное им в Семипалатинске. В это время надзор над ним производился двумя ведомствами: военным и гражданским. Гражданский надзор особенно усилился, когда Достоевскому было разрешено «иметь жительство в Петербурге». В 1860-е годы III Отделением «о литераторе Достоевском» заводились дела и тогда, когда он покидал Россию. Унизительность своего поднадзорного положения писатель более всего ощущал каждый раз при обращении в полицию с просьбой о разрешении выезда из столицы. Впервые он обратился с подобной просьбой в мае 1862 г. Переписка Достоевского по этому делу, по справкам Министерства внутренних дел, была «утрачена во время пожара, бывшего в здании Министерства»².

Но о первой поездке Достоевского за границу в архиве III Отделения сохранились документы, свидетельствующие о том, что и вдали от России он не оставался свободным от надзора. По доведениям агентов, следивших за домом Герцена в Лондоне, Достоевский «свел там дружбу с изгнанником Герценом и Бакуниным»³. На основании этих доведений имя его было внесено в список «лиц, заподозренных в сношениях с изгнанником Герценом», причем Достоевский был отнесен шефом жандармов В. А. Долгоруковым к категории тех лиц, которые посещали Герцена не из простого любопытства, а участвовали «более или менее в преступных его намерениях»⁴. Как известно, Герцеп, получивший через польских корреспондентов этот «лист имен <...> которых по возвращении будут задерживать»⁵, опубликовал его в «Колоколе»⁶. Но об аресте Достоевского (как обычно отмечали биографы) в делах III Отделения документов не оказалось. Было «предложено при возвращении его из-за границы осмотреть его бумаги и книги», «в случае открытия <...> запрещенных книг, газет или подозрительных писем немедленно отобрать оные и препроводить в III Отделение»⁷.

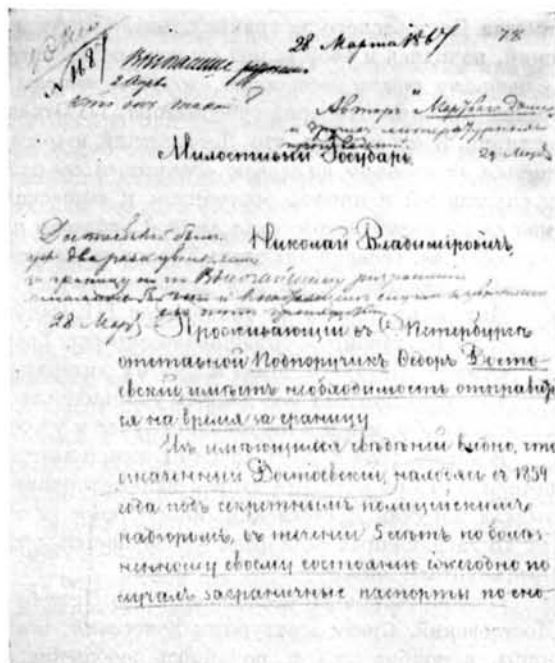
Достоевский еще находился за границей, когда, следуя этому приказу, разосланному всем таможенным, петербургская таможня 13 июня 1862 г. перехватила пакет, адресованный неизвестным лицом в журнал «Время» М. М. Достоевскому «для передачи писателю Ф. М. Достоевскому». 16 июня в III Отделение был вызван М. М. Достоевский, при котором и был вскрыт пакет с рукописью «Дело земского ярыжки с приписью». Он объяснил, что рукопись могла быть прислана ему для публикации в журнале «Время» не известным ему чиновником Загребавым, от которого он недавно получил письмо с просьбой напечатать эту рукопись, «сколько можно судить по слогу этого письма, я не думаю, что рукопись эта могла быть напечатана». Показать письмо чиновника М. М. Достоевский отказался, сказав, что затерял его. Рукопись (279 страниц) осталась

ОТНОШЕНИЕ ПЕТЕРБУРГСКО-
ГО ГРАДОНАЧАЛЬНИКА
Ф. Ф. ТРЕПОВА К ШЕФУ
ЖАНДАРМОВ Н. В. МЕЗЕНЦЕВУ
ПО ПОВОДУ ХОДАТАЙСТВА
ДОСТОЕВСКОГО О ВЫЕЗДЕ ЗА
ГРАНИЦУ, 1867 г.

Страница дела III Отделения «Об
отставном поручике Достоевском»
(№ 214, 13)

На полях карандашные надписи:
«Кто он такой?» «Автор „Мертвого
дома“ и других литературных про-
изведений»

Центральный государственный ар-
хив Октябрьской революции,
Москва



в III Отделении⁸. Она находится в деле «О революционном духе народа в России и о распространении по сему случаю возмутительных воззваний, ч. 82, о литераторе Федоре Достоевском».

Как известно, под № 230 в III Отделении были заведены дела специальной следственной комиссии, созданной в июне 1862 г. (одновременно с комиссией, выявлявшей участников пожаров) для расследования источников и путей распространения прокламаций и других революционных изданий. Братья Достоевские были известны этой комиссии еще в июне 1862 г. в связи с непропущенными цензурой статьями о пожарах (ч. 2 и 10; см. стр. 16—54 и 586 настоящ. тома).

Когда через год, в 1863 г., Достоевский вновь обратился в III Отделение с просьбой о выдаче ему заграничного паспорта, чиновники не могли разобраться: «который это Достоевский?— тот ли, который был сослан по делу Петрашевского, или бывший издатель газеты „Время“? При наведении справок было дано «уточнение»: «Федор Достоевский, причастный к делу Петрашевского, и замечено, что из всех лиц, «осужденных по делу Петрашевского, кроме Достоевского, был увольняем за границу для сопровождения больной жены прапорщик Европеус»⁹. С просьбами о выдаче ему заграничного паспорта «для поправления расстроенного здоровья» Достоевский должен был обращаться к петербургскому генерал-губернатору.

В 1860-е годы эту должность исполнял А. А. Суворов, известный в кругах революционно настроенной интеллигенции как человек, способствовавший облегчению судьбы М. Л. Михайлова и других участников революционного движения. «Отстоял Суворов»,— писал о нем в письмах к друзьям Герцен, рассказывая о действиях петербургского генерал-губернатора в дни студенческих волнений¹⁰. Суворов же предупредил Достоевского, уверенного в возвращении ему всех гражданских прав после освобождения из острога, что он находится под надзором полиции¹¹. Доклады Суворова о просьбе Достоевского по поводу отъезда за границу написаны с сочувствием к «самому отчаянному и безвыходному положению писателя», «страдающего припадками падучей болезни». И возможно, не без содействия Суворова Достоевский получал заграничные паспорта в 1862, 1863, 1864 (в то лето, имея разрешение, не выехал за границу в связи с болезнью брата) и в 1865 гг. Такое разрешение было выдано ему и в 1867 г. Петербургский градоначальник Ф. Ф. Трепов, «испрашивая разрешение» для

выезда Достоевского за границу, писал шефу жандармов Н. В. Мезенцеву: «Достоевский, находясь в 1859 г. под секретным полицейским надзором в течение 5 лет по болезненному своему состоянию ежегодно получал заграничные паспорта по сношению бывшего военного генерал-губернатора с III Отделением собственной его величества канцелярии. Имея в виду, что Достоевский и ныне ходатайствует о дозволении отправиться за границу по случаю одержавшей его падучей болезни, удостоверенной врачами и служившей и прежде основанием к вышесказанным разрешениям, а равно и то, что во все время нахождения его под надзором полиции он оказывался поведением одобрительно, он, генерал-адъютант Трепов, не встречает со своей стороны никакого препятствия к удовлетворению сего ходатайства».

Интересна переписка чиновников III Отделения на этом письме:

«Кто он такой?» — спрашивает адресат Трепова (очевидно Мезенцев).

«Автор „Мертвого дома“ и других литературных произведений».

«Достоевский был уже дважды увольняем за границу по высочайшему разрешению, полагалось бы, что и в настоящем случае к увольнению его нет препятствий»¹².

В апреле 1867 г. Достоевский с женой выехал за границу, Петербургская полиция потеряла его из виду. На запрос обер-полицеймейстера, «куда именно и на какой срок» выехал поручик Достоевский, иностранное отделение петербургской полиции отвечало: «В заграничных паспортах не означается, куда именно в чужие края отправляются предводители оных»¹³.

Однако несколько месяцев спустя в Петербурге уже стало известно, где находится Достоевский. Среди агентурных донесений, поступавших в III Отделение из-за границы, в ноябре 1867 г. появилось сообщение: «В числе экзальтированных русских, находящихся в Женеве, агент называет Достоевского, который очень дружен с Огаревым»¹⁴. Подобные донесения из Женевы, центра тогдашней русской политической эмиграции, не могли не обратить на себя внимание III Отделения.

«Что побудило III Отделение дать согласие на выезд Достоевского?», — запрашивает управляющий канцелярией III Отделения граф П. А. Шувалов. Ему напоминают, что Достоевский был уволен за границу не без его ведома. Действительно, в канцелярии за № 1051 ст 7 апреля 1867 г. находится документ, подписанный Шуваловым, о том, что увольнение Достоевского за границу «высочайше разрешено» и что «генерал-лейтенант Трепов уведомлен об этом». Шувалов приказывает «наблюдать за возвращением» Достоевского, и в фондах III Отделения заводится «Дело об осмотре при возвращении из-за границы отставного поручика Федора Достоевского»¹⁵. Оно значится по 3-й экспедиции, в ведение которой, обычно занимавшейся наблюдением за иностранцами, в то время перешли обязанности 1-й экспедиции по наблюдению за общественным и революционным движением и производству дознаний по политическим преступлениям.

В «деле» № 154 находится приведенная ниже переписка по установлению виновников, допустивших выезд Достоевского за границу в 1867 г., и последовавший в связи с донесением из Женевы («Выписка из заграничных сведений», л. 1) строжайший циркуляр (л. 2):

«При возвращении из-за границы в Россию отставного поручика Федора Достоевского произвести у него самый тщательный осмотр и если что окажется предосудительное, то таковое немедленно представить в III Отделение собственной его и. в. канцелярии, препроводив в таком случае и самого Достоевского арестованным в это Отделение». Подписано управляющим III Отделением генерал-майором Мезенцевым. Циркуляры такого же содержания направляются «совершенно секретно» по всем «таможенным местам» — директору Департамента таможенных сборов, а в случае, если Достоевский поедет в Россию пароходом, — одесскому жандармскому штаб-офицеру, начальнику Феодосийского таможенного округа. Предписания об аресте Достоевского получили также николаевская и евпаторийская таможни¹⁶.

Ю. Г. Оксман, публиковавший «секретные инструкции о Достоевском», полученные Одесским жандармским управлением, высказал предположение, что причиной таких строгих предписаний об обыске Достоевского могло быть известие о его связях с русской эмиграцией. Намек на это имеется в комментариях к письмам Герцена

М. К. Лемке, знакомого с «делом» № 154¹⁷. Действительно, в этом небольшом, содержащем всего 5 листов «деле», находится разгадка того, почему Достоевский при возвращении своем в Россию сжег рукописи заграничного периода, не желая, чтобы они пропали так же, «как пропали все его бумаги при аресте в 1849 г.»¹⁸. Достоевского предупредили о предстоявшем обыске. «Я слышал, что за мной [велено] приказано следить. Петербургская полиция вскрывает и читает все мои письма<...>, — писал он в августе 1868 г. А. Н. Майкову. — Наконец, я получил анонимное письмо о том, что меня подозревают (черт знает в чем), велено вскрывать мои письма и ждать меня на границе, когда я буду въезжать, чтобы строжайше и нечаянно обыскать»¹⁹.

Возвращались Достоевские в Россию в 1871 г. из Дрездена курьерским поездом, на который сели в Берлине. В Вержболове их задержали. А. Г. Достоевская вспоминала: «Как мы предполагали, так и случилось: на границе у нас перерыли все чемоданы и мешки, а бумаги и пачку книг отложили в сторону. Всех уже выпустили из ревизионного зала, а мы трое оставались, да еще кучка чиновников, столпившихся около стола и разглядывавших отобранные книги и тонкую пачку рукописи...»²⁰.

С января 1873 г. Достоевский начал редактировать журнал «Гражданин», и, как свидетельствуют документы III Отделения, оно «не принимало на себя ответственность за будущую деятельность этого лица в звании редактора»²¹, хотя в ходатайстве князя В. П. Мещерского говорилось, что «Достоевский как романист совершенно искупил то, чем был он как политический преступник в 1848 г.». Сам Достоевский также считал, что в 1870-е годы он заслужил «забвения его прошлого со стороны тех, кто могут ему это забвение даровать»²².

Когда в 1874 г. вновь, после длительного перерыва, Достоевский хлопотал о заграничном паспорте, на циркуляре III Отделения в адрес петербургского градоначальника, разрешающего ему выезд за границу для лечения в Эмсе, графом Шуваловым была сделана приписка: «Кому долгом считаю присовокупить, что если Достоевский во все время нахождения в С.- Петербурге ни в чем предосудительного не был замечен, то возможно по возвращении его из-за границы возбудить о снятии с него такового надзора»²³.

Неизвестно, сколько лет собиралось бы III Отделение отменить надзор за Достоевским, если бы не некоторые мероприятия в Министерстве внутренних дел, оказавшие влияние на судьбу многих поднадзорных лиц.

Как и когда был снят надзор над Достоевским?

Долгое время биографы Достоевского считали, что писатель находился под надзором полиции до 1880 г. А. С. Долинин ссылался на воспоминания А. Г. Достоевской, утверждавшей, что Достоевский находился «под полицейским надзором почти всю жизнь»²⁴. На основе знакомства с описью документов Министерства внутренних дел за 1880 г. Ю. Г. Оксманом было высказано предположение, что снятие с Достоевского надзора следует датировать 1875 г.²⁵; Л. П. Гроссман оспаривал это мнение, называя 1879 г.²⁶; В. С. Нечаева называла 1875 г., опираясь на документы Новгородского архива²⁷.

Каково было положение на самом деле?

В мае 1870 г. при Министерстве внутренних дел была создана специальная комиссия по пересмотру правил о полицейском надзоре и административной высылке в связи с поступавшими в Министерство записками из различных его канцелярий о том, что слишком много накопилось дел по наблюдению за поднадзорными, затрудняющих полицию и обременяющих канцелярское делопроизводство²⁸. Министр внутренних дел А. Е. Тимашев писал Шувалову: «Есть возможность облегчить полицию и сократить делопроизводство о поднадзорных прекращением надзора над лицами, исправившимися в поведении, а также и над такими, в отношении которых изменились обстоятельства, вызвавшие их высылку»²⁹.

Комиссии было предписано: «рассмотреть подробно о каждом лице причины принятия административной против него меры», собрать справки «из производящихся в разных местах дел» и «проследить губернаторские о них аттестации»³⁰.

В комиссии начинают поступать списки поднадзорных из разных губерний. Многие губернаторы возражали против освобождения от надзора лиц, привлеченных по

«крестьянским беспорядкам». Особо рассматриваются списки польских повстанцев, и наиболее строго и внимательно идет просмотр ведомостей и дел о поднадзорных в Петербурге и в Москве.

12 октября 1874 г. в комиссию поступает из канцелярии петербургского градоначальника «Список лицам, которые, состоя в С.-Петербурге под надзором полиции разновременно с 1854 г., не были замечены в предосудительных поступках и представляются к освобождению от учрежденного за ними полицейского надзора»³¹.

В списке 43 человека. За № 17 значится отставной подпоручик Федор Достоевский. В графе «за что подчинен надзору» указано: «По случаю дозволения ему проживать в С.-Петербурге, как сужденному в 1849 году по делу преступника Буташевича-Петрашевского»³² (из петрашевцев в этом списке по Петербургу названы Ипполит Дебу и А. Евросеус).

15 октября весь список направляется из 1-й экспедиции III Отделения — в 3-ю. Здесь должны сделать против имени каждого указание: «не встречается ли препятствий к освобождению поименованных в том списке лиц от надзора полиции»³³.

Наведение справок о Достоевском 3-й экспедицией по запросу 1-й производилось еще 10 мая 1874 г. в связи с его просьбой о разрешении выезда за границу для лечения в Эмс: «1-я экспедиция III Отделения просит 3-ю экспедицию представить справки, не имеется ли каких-либо неблагоприятных сведений о состоящем в С.-Петербурге под секретным надзором отставном подпоручике Федоре Достоевском, служащих препятствием к увольнению его за границу». 3-я экспедиция отвечала: «В 1872 г. по сношению Главного управления по делам печати об утверждении Достоевского редактором журнала „Гражданин“ со стороны III Отделения изъявлено согласие, более по 3-й экспедиции сведений нет»³⁴. И теперь, в октябре 1874 г., 3-я экспедиция не упоминает никаких дел о Достоевском. Возле имени Достоевского в списке к освобождению от надзора указывается лишь одно: «Дело 1-й экспедиции № 214, ч. 13, 1849». Другие дела о Достоевском — дело 3-й экспедиции № 154 «Об осмотре Достоевского при возвращении из-за границы» и дело 1-й экспедиции № 230, ч. 82 «О революционном духе народа в России и о распространении по сему случаю возмутительных воззваний» — названы не были. Между тем лица, которые попали под надзор «за сношения с русскими выходцами Герценом и Огаревым» и «по прикосновенности к делу о распространении возмутительных воззваний», а также за сочувствие к студентам, арестованным «по поводу беспорядков в здешнем <т. е. Петербургском> университете», были из списка вычеркнуты (среди них В. А. Слепцов, Г. Е. Благосветлов и др.)³⁵.

В списке из 43 лиц, представленном петербургским градоначальником 15 октября 1874 г., на 28 февраля 1875 г. остается 36 человек. Из него генерал-адъютант Потапов вычеркивает еще 4 имени, «аттестуемых не вполне благонадежными». В списке остается 32 человека³⁶. Отставной подпоручик Достоевский в этом списке значится под номером 13. Из писателей в том же списке названы отставной лейтенант Константин Станюкович и отставной коллежский регистратор Дмитрий Минаев. В поступавших в Министерство внутренних дел от Трепова списках лиц, «которые по представлению петербургского градоначальника могли бы быть освобождены от надзора», оказался и титулярный советник А. С. Пушкин. В канцеляриях Министерства внутренних дел и III Отделения стали наводить о нем справки. Оказалось: «тот самый, который стихи писал». С 1826 г. Пушкин находился под тайным надзором, при получении им звания камер-юнкера в 1834 г. «соответственного распоряжения» о снятии с него надзора не последовало. Так и числился он в списках поднадзорных и был представлен к освобождению от него одновременно с Достоевским!³⁷

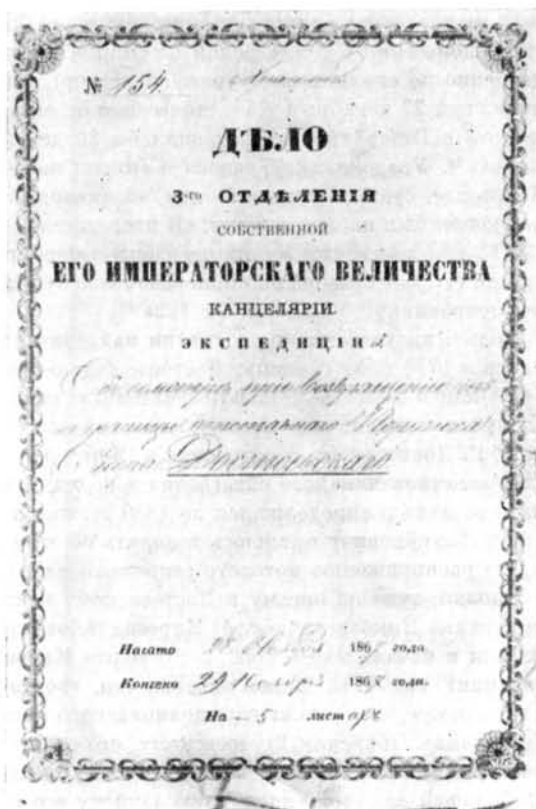
В списках 1875 г. были представлены и «классные художники», состоявшие под надзором с 1863 г. «за отказ от конкурса на золотые медали первого достоинства с целью составить особое общество под видом занятий художествами независимо от академии». Среди них Иван Крамской³⁸.

В апреле 1875 г., в то время когда в Министерстве внутренних дел еще шло рассмотрение списков о поднадзорных, Достоевский хлопотал о выдаче ему шестимесячного заграничного паспорта для выезда из Старой Руссы в Эмс. На полях отношения петербургского градоначальника Трепова к Мезенцеву по этому поводу появилась запись:

ДЕЛО III ОТДЕЛЕНИЯ
«ОБ ОСМОТРЕ ДОСТОЕВСКОГО
ПРИ ВОЗВРАЩЕНИИ
ЕГО ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ», 1867 г.

Обложка

Центральный государственный
архив Октябрьской революции,
Москва



«Достоевский был сужден в 1849 г. по делу Буташевича-Петрашевского, в 1856 г. он прощен. После того он был неоднократно увольняем за границу, так что признается вполне благонадежным. Ныне препятствий нет»³⁹. Несомненно, такое мнение о благонадежности Достоевского сложилось не без влияния тех лиц из правительственных кругов, с которыми он сблизился в 1870-е годы. Немалую роль при рассмотрении списков поднадзорных играли «губернаторские аттестации». Трепов при своих ходатайствах о тех или иных лицах перед III Отделением не раз ссылался на А. Ф. Кони («в отношении нравственной и политической благонадежности ручаются лица мне известные») ⁴⁰. Возможно, не без совета Кони, немало помогавшего Достоевскому, Трепов и чиновники Министерства внутренних дел и III Отделения умышленно «забыли» числившиеся за Достоевским в 3-й экспедиции «дела», которые могли бы задержать освобождение его от надзора. Трепов благодарил Кони за «советы и указания», которые «всегда ставили дело и исполнителей неюристов на тот путь, которым легче всего достигалось столь нередкое трудное сочетание строгих требований закона с практической жизнью» ⁴¹.

Список 32 лиц, в котором значился Достоевский, был направлен для «надлежащих распоряжений» к статс-секретарю кн. Лобанову-Ростовскому в июне 1875 г. На основании, к которому был приложен список, сделано указание: «Исполнить 21 июня». 25 июня генерал-адъютант Мезенцев уведомляет управляющего Министерства внутренних дел, что к освобождению от полицейского надзора лиц, представленных в этом списке, «препятствий со стороны III Отделения (...) не встречается», и просит министра сделать «соответственные распоряжения» к «приведению сего к исполнению» ⁴².

«Соответственное распоряжение» по списку 32 лиц, в том числе и о Достоевском, было сделано 9 июля 1875 г. «Федор Михайлов Достоевский на основании предложения г. управляющего Министерства внутренних дел от 9 июля прошлого года за № 2438 от надзора полиции освобожден», — извещал Трепов новгородского губернатора 5 января 1876 г. ⁴³

Возможно, это уведомление и не поступило бы в новгородскую канцелярию, получавшую донесения о Достоевском из Старой Руссы (где с 4 июня 1872 г. за ним был, немедленно по его приезде, учрежден надзор), если бы сам новгородский губернатор, получивший 27 декабря 1875 г. донесение от старорусского исправника о выезде Достоевского в Петербург, не поспешил бы 30 декабря уведомить о том петербургскую полицию⁴⁴. Уведомление Трепова о снятии надзора над Достоевским было получено в Новгороде, судя по помете на нем, «8 января 1876 года»⁴⁵. Тут же, поверх строчек, карандашом был набросан текст: «В последствие рапорта вашего от минувшего декабря за № 97 даю знать, что по отзыву Санкт-петербургского градоначальника Федор Достоевский <...> от надзора полиции освобожден». Слева приписка: «Старорусскому уездному исправнику. 9 января. № 122»⁴⁶.

Дошло ли уведомление о снятии надзора над Достоевским в Старую Руссу? Собираясь в 1879 г. за границу, Достоевский по-прежнему «подавал просьбы» о паспорте, так как в качестве бывшего ссыльного, как рассказывал он Н. А. Любимову, — он получал «заграничные паспорта каждый раз особым, медленным путем»⁴⁷.

А. Г. Достоевская, получавшая в Новгороде все бумаги для этой поездки, очевидно, не заметила никакого облегчения в поднадзорном положении Достоевского и считала, что надзор «продолжался до 1880 г., когда во время Пушкинского праздника Федору Михайловичу пришлось говорить об этом с каким-то высокопоставленным лицом, по распоряжению которого секретный надзор и был снят»⁴⁸.

Однако, судя по письму к Достоевскому «состоявшего при е. и. в. великом князе Константиине Николаевиче» А. А. Киреева⁴⁹, этот разговор мог иметь место еще в феврале или в начале марта 1880 г. 10 марта Киреев писал Достоевскому, что министр внутренних дел Л. С. Маков заверил его, «повторив <...> то, что он уже передавал Достоевскому», т. е. что снятие полицейского надзора над ним «не встретит *никакого* препятствия». Объясняя Достоевскому, что «никто, кроме него самого, не имеет права делать какие-либо заявления» от его имени, он просил Достоевского доставить к нему «для большей *скорости*» докладную записку его к министру⁵⁰. В письме Киреева год не указан. А. Г. Достоевская датирует письмо условно, обозначив в скобках — 1879 г.⁵¹

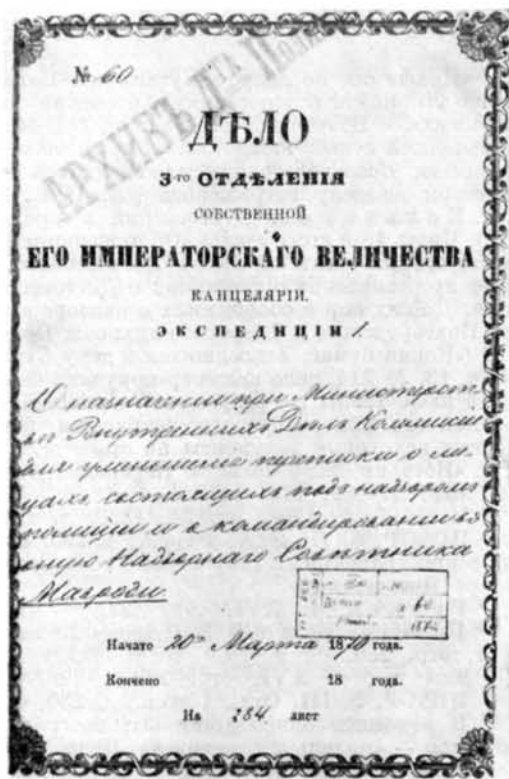
Л. П. Гроссман, очевидно, на основе указаний А. Г. Достоевской, датировал письмо Киреева к Достоевскому и докладную записку Достоевского в Министерство внутренних дел 1879 годом⁵². Документы III Отделения позволяют датировать и письмо Киреева и докладную записку Достоевского 1880 годом: отношение министра внутренних дел Л. С. Макова (№ 1168), содержавшее изложение докладной записки Достоевского, поступило в III Отделение 20 марта 1880 г. Маков писал: «Отставной подпоручик Достоевский обратился с прошением, в котором объясняет, что хотя на указе его об отставке не обозначено, чтобы он, проситель, состоял под надзором полиции, но надзор этот продолжается и поныне, так как об этом ему было сообщено III Отделением собственной его императорского величества канцелярии, каждый раз при обращении его с просьбами об увольнении за границу. Ввиду сего г. Достоевский ходатайствует о прекращении надзора за ним. Усматривая из дел Министерства внутренних дел, что отставной подпоручик Достоевский состоял в С.-Петербурге под надзором полиции как судившийся по делу Петрашевского, но от такового надзора освобожден в 1875 году, по соглашению с бывшим Главным начальником III Отделения собственной его императорского величества канцелярии генерал-адъютантом Потаповым, считаю долгом сообщить об изложенном вашему превосходительству, покорнейше прося почтить уведомлением о вашем по настоящему ходатайству г. Достоевского заключением»⁵³.

Мог ли Маков, обещавший Достоевскому через высокопоставленных лиц помощь в снятии надзора, продержать прошение Достоевского больше года? Несомненно, оно «для достижения желаемого результата», как писал Киреев, торопивший Достоевского подать заявление, было немедленно передано в III Отделение. И хотя Маков в своем отношении напоминал, что Достоевский по соглашению Министерства внутренних дел с III Отделением еще в 1875 г. был освобожден от надзора (возможно, он знал об этом, когда заверял Киреева, что никаких препятствий к освобождению Достоевского от надзора не будет), III Отделение для заключения о ходатайстве Достоевского вновь,

ДЕЛО III ОТДЕЛЕНИЯ
О НАЗНАЧЕНИИ ПРИ МИНИ-
СТЕРСТВЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
КОМИССИИ ПО ПЕРЕСМОТРУ
СПИСКОВ ЛИЦ, СОСТОЯЩИХ
ПОД НАДЗОРОМ ПОЛИЦИИ

Обложка

Центральный государственный
архив Октябрьской революции,
Москва



как и в 1875 г., начинает наводить о нем справки. 1-я экспедиция запрашивает в 3-й сведения о Достоевском. На запросе помета: «литератор». «По 1-й экспедиции есть дело... по 3-й экспедиции сведений нет», — следует ответ — такой же, как и в 1875 г. ⁵⁴ В подготовленной в III Отделении подробнейшей «справке» о Достоевском, «сужденном в 1849 году за участие в замыслах преступника Бутаевича-Петрашевского...», прошедшем каторгу, солдатчину и военную службу до 1859 г., указывалось: «В ноябре того же года последовало всемилостивейшее соизволение на дозволение Достоевскому жительства в С.-Петербурге, с продолжением за ним секретного надзора».

В июне 1875 года по соглашению министра внутренних дел с III Отделением Достоевский от такового надзора освобожден и затем о подчинении его вновь секретному надзору полиции переписки в III Отделении не производилось.

Федор Достоевский известный наш литератор, в последнее время он издавал газетный листок под названием „Дневник писателя“ ⁵⁵.

По рассказам А. Г. Достоевской, так же рассуждали и «компетентные лица», уверявшие его, «что раз ему дозволено быть редактором и издателем журнала „Дневник писателя“, то нет сомнения, что секретный надзор за его деятельностью снят» ⁵⁶. Сам Достоевский, просивший о прекращении за ним надзора, писал, что высказываемые им на собраниях убеждения политические и религиозные «не могут подать повод к тому, чтобы заподозрить его политическую нравственность», и напоминал, что со времени его помилования и возвращения его гражданских прав прошло 25 лет ⁵⁷.

III Отделение ответило министру внутренних дел, что «со времени освобождения Достоевского в 1875 году от надзора в III Отделении не производилось никакой переписки о подчинении его вновь гласному или секретному надзору полиции» ⁵⁸.

На этом заключении III Отделения дата — 31 марта 1880 г., и оно является последним документом в «деле» о Достоевском, начатом 22 апреля 1849 г. ⁵⁹

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Донесения по делу о Буташевиче-Петрашевском и его товарищах. По разысканию Липранди и донесениям Антонелли о Буташевиче-Петрашевском и его со-товарищах». — ЦГАОР, ф. III Отд., д. 214. Материалы этого дела дают представление о дальнейшей судьбе каждого из петрашевцев. Однако они никогда не публиковались полностью. Исследователями привлекались из него лишь документы, связанные с процессом по делу петрашевцев (см. П. Е. Щеголев. Петрашевцы. М., 1928; Н. Ф. Бельчиков. Достоевский в процессе петрашевцев. М., «Наука», 1971, и др.). Часть 13-я этого «дела» «Об инженер-поручике Достоевском», начатая 22 апреля 1849 г. предписанием об аресте Достоевского, содержит материалы о нем до 1880 г. и дает представление о сведениях о Достоевском, имевшихся в документах III Отделения. До сих пор в сообщениях о надзоре за Достоевским были использованы лишь дела Новгородского и Тверского архивов. Неполная копия «дела» 214 хранится также в ЛБ «Копии бумаг, относящихся к делу Буташевича-Петрашевского и его со-товарищей (ч. 13, № 214, дело инженер-поручика Ф. М. Достоевского), сняты А. Г. Достоевской в июле 1898 г., с разрешения начальника архива III (бывшего) Отделения собственной его императорского величества канцелярии. 47 бумаг» — ф. 93. I. 42. Впервые некоторые документы из этого дела были сообщены И. С. Зильберштейном в кн.: «История одной вражды. Переписка Достоевского и Тургенева». Л., «Academia», 1928, стр. 57—59, 116—117.

² ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 24, 1863, д. 127, л. 6.

³ ЦГАОР, ф. III Отд., 1 эксп., д. 230. «О революционном духе народа в России и о распространении по сему случаю возмутительных воззваний», ч. 82, «О литераторе Федоре Достоевском».

⁴ Герцен, т. XVI, стр. 427.

⁵ Письмо Герцена к В. В. Стасову 28 июля/9 августа 1862 г. Там же, т. XXVII, кн. 1, стр. 250.

⁶ Там же, т. XVI, стр. 229.

⁷ ЦГАОР, ф. III, Отд., 1 эксп., д. 230, ч. 82, л. 2.

⁸ В рукописи описывается быт петербургских канцелярий, главное действующее лицо — «маленький человек» Иван Иванович Мародеров, читатель журнала «Время»; дано множество ссылок на повесть Достоевского «Двойник».

⁹ ЦГАОР, ф. III Отд., д. 214, ч. 13, л. 67.

¹⁰ Письмо Герцена к сыну 2 октября 1864 г. — Герцен, т. XXIII, кн. 2, стр. 514.

¹¹ «Письма», I, стр. 222, 406. Ходатайство Суворова о разрешении Достоевскому выезда за границу впервые опубликовано И. С. Зильберштейном в кн.: «История одной вражды. Переписка Достоевского и Тургенева», стр. 57—59.

¹² ЦГАОР, ф. III Отд., д. 214, ч. 13, л. 78.

¹³ ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 24, 1863, д. 127, л. 19; см. также ЛБ, ф. 93, I. 42, лл. 44—46 об.

¹⁴ ЦГАОР, ф. III Отд., 3 эксп., д. 154, л. 1. «Дело об осмотре при возвращении из-за границы отставного поручика Федора Достоевского». Начато 28 ноября 1867 г.

¹⁵ Там же, лл. 2, 3.

¹⁶ «Секретные инструкции о Достоевском. (Материалы Одесского архивного фонда)». — «Творчество Достоевского». Сборник статей и материалов под ред. Л. П. Гроссмана. Одесса, 1921, стр. 36—38. Публикация Ю. Г. Оксмана. Документы эти ныне хранятся в Гос. Историческом архиве УССР, Киев, ф. 188 с/1252, д. 164 «Штаб офицера корпуса жандармов в г. Одессе». См. также «Крымская правда», 1965, 10 января.

¹⁷ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке, т. XV. Пб., 1920, стр. 356—357.

¹⁸ А. Г. Достоевская. Воспоминания, стр. 198.

¹⁹ «Письма», II, стр. 129—130.

²⁰ А. Г. Достоевская. Воспоминания, стр. 198—199.

²¹ Ю. Г. Оксман. Достоевский в редакции «Гражданина». (По неизданным материалам). — Сб. «Творчество Достоевского», стр. 67.

²² В. П. Мещерский. Мои воспоминания, ч. 2 (1865—1881). СПб., 1898, стр. 175—176.

²³ ЦГАОР, ф. III Отд., д. 214.

²⁴ «Письма», III, стр. 330.

²⁵ «Жизнь и труды Достоевского», стр. 293.

²⁶ Там же, стр. 278—279.

²⁷ В. С. Нечаева. Когда был снят секретный надзор за Ф. М. Достоевским? — «Русская литература», 1964, № 2, стр. 172.

²⁸ ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., д. 60, «О назначении при Министерстве внутренних дел комиссии для уменьшения переписки о лицах, состоящих под надзором полиции, и о командировании в оную надворного советника Мавроди».

²⁹ Там же, л. 3 об.

³⁰ Там же, л. 4.

³¹ Там же, л. 228.

³² Там же, л. 229 об.

³³ Там же, л. 227.

³⁴ ЦГАОР, ф. III Отд., д. 214, ч. 13, л. 82.

³⁵ ЦГАОР, ф. III Отд., д. 60, л. 256. Список 36 лиц. Красным карандашом были вычеркнуты из списка 7 человек: Геннадий Лермонтов, Василий Слепцов, Головачевы (Алексей и Аполлон), Дмитрий Аверкиев, Григорий Благосветлов и Дмитрий Стасов, находившиеся под надзором полиции «за распространение нигилистической партии» и «по прикосновенности к делу о распространении возмутительных воззваний» (о Слепцове указано дело III Отделения, 3 эксп., 1865, № 91; о Благосветлове — дело 1 эксп., 1866, № 100, ч. 43).

³⁶ Там же, л. 257. Список 32 лиц.

³⁷ П. К. Панкратьев. К Пушкинскому юбилею. — «С.-Петербургские ведомости», 1899, № 104, 17 апреля. О снятии над Пушкиным надзора в 1875 г. стало известно в 1899 г.

³⁸ ЦГАОР, ф. III Отд., д. 60, л. 266.

³⁹ ЦГАОР, ф. III Отд., д. 214, ч. 13, л. 85.

⁴⁰ ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., д. 80, л. 205.

⁴¹ ЦГАОР, ф. 564, оп. 1, д. 3471 (письмо Ф. Ф. Трепова к А. Ф. Кони 6 августа 1875 г.). См. там же, ед. хр. 3855 (письмо Ф. Эрисмана к Кони 18 сентября 1874 г.).

⁴² ЦГАОР, ф. III Отд., д. 60, л. 257.

⁴³ Новгородский областной архив. «Дело Новгородского губернатора 1-го стола об отставном подпоручике Достоевском». См. А. З. Жаворонков. Полицейское дело о секретном надзоре за Ф. М. Достоевским в Старой Руссе (1872—1876). — «Известия АН СССР». Отд. лит-ры и языка, 1965, т. XXIV, вып. 3, стр. 340.

⁴⁴ ЦГАОР, ф. III Отд., д. 214, ч. 13, лл. 85, 86.

⁴⁵ А. З. Жаворонков. Указ. публикация, стр. 340.

⁴⁶ Там же, стр. 334. — Старорусское полицейское «дело» о Достоевском пока не найдено. Новый исправник, вступивший в Старой Руссе на место полковника Готского, столь унижавшего Достоевского, получил «дело» о нем в неполном виде; исчезло даже предписание новгородской канцелярии от 30 мая 1872 г. о надзоре за Достоевским.

⁴⁷ «Письма», IV, стр. 64.

⁴⁸ А. Г. Достоевская. Воспоминания, стр. 278.

⁴⁹ См. визитную карточку А. А. Киреева. — ЛБ., ф. 93, II. 5.69.

⁵⁰ «Жизнь и труды Достоевского», стр. 278—279.

⁵¹ ЛБ, ф. 93, II. 5.69. Дата указана А. Г. Достоевской на обложке, в которую ею были вложены все письма Киреева к Достоевскому: «От 10 марта» (без обозначения года). (1879).

⁵² «Жизнь и труды Достоевского», стр. 278, 293.

⁵³ ЦГАОР, ф. III Отд., д. 214, ч. 13, л. 87.

⁵⁴ Там же, л. 88.

⁵⁵ Там же, лл. 89—90.

⁵⁶ А. Г. Достоевская. Воспоминания, стр. 278.

⁵⁷ «Докладная записка отставного подпоручика Федора Михайловича Достоевского». Петербург, март 1879. «Письма», IV, стр. 336—337. См. также В. С. Нечаева. Три автографа Достоевского. — «Лит. наследство», т. 15, 1934, стр. 293 (докладная записка Достоевского датировалась 1880 г. на основе сведений о связях Достоевского с видными петербургскими сановниками).

⁵⁸ Действительно, никаких документов о надзоре за Достоевским в последние годы его жизни в Петербурге и во время выездов из столицы нет. В 1877 г. Достоевский выезжал в Курскую губернию. В Курском областном архиве документов о надзоре над Достоевским нет (см. ф. 1642 «Курское губернское жандармское управление», оп. 1, д. 1. Циркуляры III Отделения, 3 эксп. начальнику Курского губернского жандармского управления о наблюдении за лицами, обратившими на себя внимание правительства «преимущественно в отношении политической неблагонадежности»).

⁵⁹ ЦГАОР, ф. III Отд., д. 214, ч. 13, л. 91.